

Сергей Дмитриев

В.В. Стасов и этнографические музеи Санкт-Петербурга конца XIX — начала XX в.

В научной и культурной жизни России второй половины XIX в. большую роль играл В.В. Стасов (2.12.1824–10.10.1906), почетный академик АН, библиотекарь художественного отдела Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, одно время редактор «Известий Русского археологического общества» и секретарь этнографического отдела Древнехристианского музея при Академии художеств, одним из учредителей которого он состоял [ИМАО 1915: 341–342]. В.В. Стасов был одним из крупнейших идеологов русского национального искусства, одним из организаторов художественного объединения композиторов, которое вошло в историю под названием «Могучая кучка». Большую поддержку он оказывал объединению художников, известному как «Товарищество передвижных выставок», которое сыграло исключительную роль в развитии отечественного искусства второй половины XIX — начала XX в. Большое значение в его творческой, научной биографии имела восточковедная и этнографическая тематика, которая самым естественным образом отражалась во всей его деятельности.

Сергей Васильевич Дмитриев
Российский этнографический музей,
Санкт-Петербург
rem_dsv@mail.ru

Разыскания В.В. Стасова в области восточковедения, пожалуй, впервые были рассмотрены в специальной статье Н.А. Кузнецовой

[Кузнецова 1968: 77–90]. Исследуя этот вопрос, она отмечает, что «востоковедная» биография В.В. Стасова начинается со второй половины 1840-х гг., когда он стал посещать Публичную библиотеку, отделение ориенталиста Ф.Н. Попова. Там он познакомился не только с востоковедной литературой, но и со многими петербургскими ориенталистами того времени. Тогда же у него возникает интерес к древней истории Востока. Здесь он читает сочинения Б. Нибура, «Шахнаме» Фирдоуси. Уже позже, в 1860-е гг., он начинает изучать связи славянского и восточного искусства и литературы, исследовать оформление восточных рукописей, увлекается восточным орнаментом и миниатюрой. В области фольклористики В.В. Стасов, опираясь на господствовавшую тогда теорию странствующих сюжетов, пришел к мысли о восточном происхождении русского народного эпоса. Однако многие его выводы в этой области были неоднозначно восприняты тогдашней российской научной общественностью. Против него выступили такие видные ученые, как А.Н. Веселовский, Ф.И. Буслаев, А.Ф. Гильфердинг, О.Ф. Миллер, В.Ф. Миллер и др. Отвечая своим критикам, В.В. Стасов прежде всего выступает против «московских славянофилов и русопетов», сторонников теории самобытности русского былинного творчества, отрицающей какое-либо иноземное влияние. Он доказывает, что на русскую культуру оказали влияние не только так называемые «аристократические народы», т.е. греки и римляне, но и тюрки, монголы и другие восточные народы.

Как указывает Н.А. Кузнецова, «в ходе полемики Стасовым было сделано много интересных наблюдений о восточных элементах в русской культуре, о восточных словах в русском языке, вообще о взаимодействиях культур Востока и России» [Кузнецова 1968: 79]. В своих трудах В.В. Стасов опирался на работы многих известных востоковедов того времени, как отечественных, так и европейских, с которыми нередко находился в дружеских отношениях. Они давали ему подробные консультации по интересующим его темам. В частности, он проявлял интерес к рукописным произведениям на персидском и тюркских языках, к культуре разных стран Востока.

Одним из капитальных трудов В.В. Стасова является альбом «Славянский и восточный орнамент», работа над которым продолжалась более двух десятилетий. Одновременно со сбором материала для этого труда В.В. Стасов исследует и частные вопросы, связанные с культурой народов Востока, участвует в формировании восточных фондов Публичной библиотеки и петербургских музеев. Так, он приветствовал присланный генерал-губернатором Туркестана К.П. фон Кауфманом и ставший впоследствии знаменитым фотографический

«Туркестанский альбом», который знакомил с различными народными типами Средней Азии, архитектурой, искусством, народными промыслами этого региона. Также в Публичную библиотеку поступила коллекция восточных книг, собранных по поручению Кауфмана, а в Эрмитаж и другие музеи — вещевые материалы, предметы искусства и культуры [Стасов 1894 III: 1537–1539].

Как к известному специалисту по культуре Востока, к В.В. Стасову обращались за консультациями по мусульманскому искусству. При общении с деятелями из разных регионов России, в том числе ее азиатских владений, он высказывал тревогу, что российские власти не беспокоятся об охране памятников старины, и призывал начать раскопки в Средней Азии в надежде на то, что там должны быть найдены недостающие материалы по ранней истории России [Кузнецова 1968: 83–86].

Ведя исследовательскую деятельность, В.В. Стасов прививал интерес к изучению культуры народов Востока разным людям. Так, в 1897 г. он составил специальную инструкцию фотографу И.В. Болдыреву по съемке Бахчисарая. К середине 1880-х гг. относится его переписка с военным губернатором Сыр-Дарьинской области генералом Н.И. Гродековым об этнографии туркмен, поводом для которой послужила подготовка к первой постановке оперы А.П. Бородина «Князь Игорь», о чем подробно будет сказано дальше. Большое участие он принимал в судьбе исследователя музыкальной культуры русских инородцев С.Г. Рыбакова, руководил коллекционной деятельностью ряда людей, о чем также пойдет речь далее, и т.п.

Значительную роль В.В. Стасов сыграл в организации этнографического отдела Русского музея императора Александра III (далее — ЭО). Так, он принимал активное участие в работе второго предварительного совещания по вопросам устройства и организации ЭО, состоявшегося 13 февраля 1901 г. под председательством августейшего управляющего Русским музеем вел. князя Георгия Михайловича [Протокол 1901]. В ходе дискуссии В.В. Стасов поддержал идею о том, что музей должен быть посвящен в первую очередь русской этнографии, но в нем, по его мнению, необходимы и «побочные прибавки», т.е. отделы, посвященные этнографии других народов. При этом должны быть представлены народы не только славянские, но и восточные, в том числе зарубежные (относительно границ Российской империи того времени) [Там же: 4]. Эти представления В.В. Стасова сыграли известную роль при формировании общей концепции ЭО.

В дальнейшем до самых последних дней своей жизни В.В. Стасов был в числе тех деятелей русской культуры и науки, которые

принимали активное участие как в работе по организации ЭО (сам он был членом Совета ЭО), так и непосредственно в выполнении его фондов экспонатами по этнографии разных народов. Уже после смерти В.В. Стасова, в 1908 г., в ЭО были переданы книги из его личной библиотеки [А РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 609. Л. 1], а также вещи из его коллекции. Уже в 1930-е гг. сюда поступили фотографии из его собрания.

Некоторых коллекционеров В.В. Стасов также ориентировал на передачу в ЭО вещей, представлявших этнографический интерес. Так, будучи в дружеских отношениях с братьями В.В. и А.В. Верещагиными, именно он консультировал Александра Васильевича [ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 81. Л. 14–14 об.], который нередко использовал служебные командировки для сбора предметов археологического и этнографического характера с целью их дальнейшей перепродажи. Некоторые из этих экспонатов дополнили в дальнейшем коллекции ЭО.

Когда Военным министерством было решено отправить А.В. Верещагина в командировку в Среднюю Азию, в своем письме от 22 декабря 1898 г. В.В. Стасов давал ему следующие рекомендации:

Вот просьба моя к Вам. Для меня снимаются теперь фотографии с интересных предметов, привезенных графом Бобринским из гор в Бухаре¹. Вы помните, что в числе их есть целая масса шерстяных чулок, с узорами, мужских, идущих выше колена. Не видали ли Вы подобных в Средней Азии?² Если видали, то, пожалуйста, черкните:

1) *Где видали?*

2) *Как их носят, как завязывать выше колена?*

Что надевают сверху: башмаки, сапоги или что другое? [ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 81. Л. 23 об.].

А.В. Верещагин в своем ответе пишет о женских чулках, на что В.В. Стасов в следующем письме уточняет свой интерес:

Александр Васильевич, Вы, по нечаянности, отвечали совсем не на мой вопрос. Мне надо было знать про чулки средне-азиатов, а Вы мне пишете про чулки средне-азиаток. Мне важно было узнать, одни ли только бухарцы (мужчины) носят огромные и толстые шерстяные чулки выше колена, какие привез теперь из бухарских гор гр. Бобринский, или же носят такие чулки и разные другие

¹ Об Алексее Алексеевиче Бобринском и его экспедиции в Среднюю Азию см.: [Решетов 2001: 164–166; Худоназаров 2007: 132–154 и др.].

² А.В. Верещагин, как известно, принимал участие в Текинском походе под командованием генерала Скобелева.

азиаты в разных средне-азиатских местностях? Если узнаете что-нибудь, пожалуйста, ответьте.

Это для меня, теперь, вопрос довольно важный. При этом скажите, пожалуйста, как же носят эти чулки? Надевают ли сверху них башмаки, или что другое? Ведь у тех, что привез гр. Бобринский, никаких подошв нет, <...> как же в них ходить? Ведь они тотчас изотрутся! [ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 81. Л. 22–23].

Целью командировки А.В. Верещагина в Закаспийскую область в 1899–1900 гг. было проведение ревизии в Асхабадском, Тедженском, Мервском уездах. В ходе нее им была вскрыта незаконная деятельность и административный беспредел местного пограничного и таможенного чиновничества, в частности препятствия приграничной торговле с афганскими племенами, развитию земледелия у местного русского населения и т.д.; это шло вразрез с политикой правительства, целью которой было укрепление русского населения в этом регионе [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Ед. хр. 2517]. Из Закаспийской области А.В. Верещагин привез некоторые вещи, приобретенные у местного населения, в том числе несколько ковров, три из которых он предложил В.В. Стасову, чтобы тот выбрал один для себя [ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 77. Л. 57]. Среди них был огромный ковер, атрибутированный А.А. Миллером сначала как курдский, а впоследствии как туркменский (колл. РЭМ 256-1). А.В. Верещагин предлагал приобрести этот ковер разным лицам, в частности В.В. Стасову. На это предложение Владимир Васильевич отвечал следующее (письмо от 16 августа 1901 г.):

Экий Вы чудак, Александр Васильевич! Я этакого не видывал, да и не увижу, конечно!!!

Настоящий «восточный», уж я и не знаю хорошенько, какой именно: Татарин, или Монгол, Сиамец, Индус, или африканец, или Азтек!! [так. — С.Д.]

Эк Вас мечет, эк Вас бросает, словно на волнах океана!! Тут много и хорошего, и дурного, — и превосходного, и странного, и забавного!

Но ковра я, конечно, никогда и ни за какие пряники — не возьму. Ни за что на свете. Он Ваш, и пускай Ваш и будет, теперь и всегда, куда продастся, на это я надеюсь. Если у Вас нет свободного места, хотите, пусть он у меня полежит — это мне все равно! Но только как Ваш, но никак как мой.

Если же прошло бы много времени и никто не купил бы его, всегда время будет отдать его в другие руки, только не в мои руки, а в Музей. Это никогда не уйдет [ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 81. Л. 34–35].

Затем по совету В.В. Стасова А.В. Верещагин предложил ковер ЭО.

Нередко В.В. Стасов обращался непосредственно к высшим чинам российской военной администрации в Средней Азии. Так, он вел переписку с Николаем Ивановичем Гродековым, сподвижником и другом генерала М.Д. Скобелева по боевым действиям в Средней Азии¹. В начале их переписки Гродеков был генерал-майором, военным губернатором Сыр-Дарьинской области Туркестанского края, председателем Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, а впоследствии — генералом от инфантерии, генерал-губернатором Приморской области².

Поводом для переписки, как было сказано в начале данной статьи, послужила готовившаяся в конце 1880-х гг. первая постановка оперы А.П. Бородина «Князь Игорь», которую, как известно, после смерти композитора доработали Н.А. Римский-Корсаков и А.К. Глазунов. Для определения этнографического облика половцев художник-постановщик Е.П. Пономарев³ обратился за консультацией к В.В. Стасову как к видному историку и искусствоведу того времени, идеологу национального искусства, к тому же близкому к композиторам «Могучей кучки», в которую до самой своей смерти входил и А.П. Бородин. В.В. Стасов в свою очередь (как он обычно поступал) напрямую обратился к человеку, непосредственно контактировавшему с туркменами, т.к. в то время считали, что именно этот народ ведет свое происхождение от исторических половцев. Этим человеком и был военный губернатор Сыр-Дарьинской области генерал Н.И. Гродеков, с именем которого связан известный впоследствии, а тогда еще неопубликованный капитальный труд «Киргизы и Каракиргизы Сыр-Дарьинской области» [Гродеков 1889], а также перевод с английского языка под его редакцией комментариев мусульманского права [Хидая 1893]. В фонде В.В. Стасова в отделе рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге есть черновик его письма к Н.И. Гродекову, который представляет собой опросный лист с 46 вопросами, касающимися этнографии туркмен [ОР РНБ. Ф. 738. № 47. Л. 102]. В другом деле того же фонда содержится оригинал ответного письма Н.И. Гродекова с пространными ответами на поставленные

¹ В ОР РНБ хранится фотопортрет генерала М.Д. Скобелева с дарственной надписью Н.И. Гродекову, датированный 28 февраля 1878 г. [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. № 2270. Л. 1].

² О Н.М. Гродекове см.: [Басханов 2005: 67–68; Шилов, Кузьмин 2006: 247–252].

³ Евгений Петрович Пономарев (4.11.1852–3.02.1906) — известный в свое время театральный художник, театральный деятель, поэт, автор оперных либретто, близкий к деятелям русской музыкальной культуры группы «Могучей кучки». В те годы он состоял на службе Дирекции императорских театров, работая главным образом с театральными костюмами. Наиболее интересными его работами в этой области представляются костюмы к операм «Снегурочка» (1881) и «Млада» (1892) Римского-Корсакова, «Руслан и Людмила» Глинки (1886), «Князь Игорь» Бородина (1890), «Аида» Верди (1893), «Фиделло» Бетховена (1905) и др. в Мариинском театре.

вопросы [ОР РНБ. Ф. 738. № 131. Л. 1—4]. Эти ответы Гродеков предвзывает следующей преамбулой, из которой мы узнаем об отправленной им коллекции туркменских этнографических предметов:

Препровождая при этом ответ на этнографические вопросы о туркменах, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что предметы одежды, обуви и снаряжения, означенные при сем перечне вопросов, отправлены к Вам в отдельных посылках. Сапоги женские присланы старые по той причине, что в настоящее время таких сапогов не делают, но они именно старинного образца и теперь представляют редкость. Прошу извинить, что лучших не мог достать. Предметы приобретены на левом берегу Аму-Дарьи, в самих кочевьях туркмен [ОР РНБ. Ф. 738. № 131. Л. 1 об.].

По поводу присланных вещей и дальнейшей их судьбы В.В. Стасов в своем письме от 19 ноября 1888 г. писал Н.И. Гродекову следующее:

Милостивый Государь, Николай Иванович, так долго не отвечая на Ваше бесконечно любезное и неожиданное письмо, я сильно рисковал быть признанным с Вашей стороны за неблагодарного и невежду. И все-таки — я прав, и, надеюсь, Ваше Превосходительство отпустит мне все прегрешения, в которых я, невежа, мог быть обвинен.

Я был истинно поражен Вашей посылкою Туркменских костюмов, женских серебряных украшений и оружия. Я никогда не ожидал ничего подобного! Для моей цели — возможности постановки древних половцев на сцене было уже вполне достаточно тех обстоятельных, точных и превосходных ответов, какие Вы мне прислали вследствие моих запросов. Но вдруг — целая масса самых предметов!!! Вот-то неожиданность, вот-то восторг! И, чтобы достойным образом чествовать Ваш великолепный поступок, я решил передать Вашу коллекцию целиком — в одно из государственных наших хранилищ. Чтобы решиться и выбрать, и чтобы снестись с кем следует, понадобилось известное время. Притом же, мне сильно хотелось, чтоб Вы не мою благодарность получили, а общеизвестную, официальную. Теперь все это — уже свершившийся факт, вот я Вам и пишу.

Непременный Секретарь Академии Наук, Тайный Советник Конст[антин] Стен[анович] Веселовский официально уведомил меня, что Императорская Академия Наук с высокою благодарностью приняла Ваше приношение, и поместила Вашу коллекцию в нарочно устроенных для нее шкапах, с Вашим именем на особых металлических дощечках, и что об этом приношении уже сообщена в «Правительственный Вестник» особая статья (написанная

самим Веселовским). *Надеюсь, Вы ее уже читали. Но теперь наступает моя очередь, и я прошу Вас прочесть, глубокоуважаемый Николай Иванович, искреннюю мою благодарность за Ваше превосходное и общепольное дело. Могу только желать, для чести Вашего имени, чтобы Вам удалось когда-нибудь еще на Вашем веку совершить что-нибудь подобное. Особенно доставить в нашу великолепную Публичную библиотеку — хоть несколько рукописей, туркменских, и если возможно, с украшениями или рисунками. Впрочем, если рукописи будут даже не собственно туркменские (джагатайские или иные), но даже просто арабские, персидские, турецкие — то уже и то будет превосходно!*

В заключение позвольте выразить сожаление, что по какой-то горестной случайности, не все Вами обозначенные предметы получены нами здесь. А именно: 1) Вы пишете про женские сапоги, старые, старинного покроя — но мы получили только новые сапоги, не знаю — мужские или женские. 2) У Вас обозначена «дудка» — ее в ящиках не оказалось. 3) Женский халат — также не оказался.

Все эти вещи, по-видимому, малоценные, и потому, наверное, никто не похитил — а все жаль, что их, верно, при укладке забыли [ОПИ ГИМ. Ф. 307. Ед. хр. 5. Л. 22–23; Стасов 1962: 282].

В упомянутой заметке, опубликованной в «Правительственном вестнике», К.С. Веселовский отмечает, ссылаясь на сообщение директора музея академика Л.И. Шренка, что коллекция Н.И. Гродекова, поступившая в Музей антропологии и этнографии благодаря В.В. Стасову, является первой туркменской коллекцией в этом учреждении. В заметке приводится ее состав:

Из предметов одежды некоторые заслуживают особого внимания, потому что они старинного образца и в настоящее время уже составляют редкость. Другие замечательны по своей оригинальности и отделке. Таков в особенности женский головной убор, высокий и очень широкий. Кверху кокошник, украшенный множеством серебряных привесок и накрытый фатой. Любопытны также и красивые серебряные привески, с бахромой, предназначенные для украшения лба. Серьги, браслеты, привески к косе сзади — все серебряные с разными украшениями, иногда со вставленными сердоликами. Доставленное туркменское оружие состоит из трехгранных наконечников копий и ножей, заменяющих кинжалы и имеющих костяные ручки с серебряными пластинками [Веселовский 1888: 1].

Факт этого дара В.В. Стасов неоднократно упоминал в своих письмах к Н.И. Гродекову. Так, в письме от 2 августа 1899 г. (Гродеков тогда был уже генерал-губернатором Приморской области) он пишет следующее:

Вы, может быть, помните, как я несколько лет тому назад обращался к Вашему Высокопревосходительству и как Вы, вследствие того, оказали великую услугу Русскому искусству и Русской науке, прислав нам целую коллекцию Туркменских костюмов, оружия, утвари и т.д. Я с благодарностью поместил всю эту коллекцию в Этнографический Музей Императорской Академии наук, на основании ее поставили (великолепно) на сцене Мариинского Театра оперу «Князь Игорь» (на сюжет «Слова о полку Игореве») — костюмы Половцев, сообразно с наукой, имея ближайшее родство с Туркменами, именно требовали этих образов. В Музее Академии Наук Ваша коллекция красуется, на веки веков с Вашим именем, и всегда будет свидетельствовать о Ваших симпатиях русской культуре, науке и искусству [ОПИ ГИМ. Ф. 307. Ед. хр. 5. Л. 26].

Данное туркменское собрание составило коллекцию № 3113 Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры), которая только в мае 1925 г. была зарегистрирована известным этнографом-сибиреведом Л.Г. Каруновской. В описи 11 номеров (13 предметов): это женский налобный убор с серебряными бляхами и привесками (№ 3113-1), массивный браслет из низкопробного серебра с сердоликовыми вставками (№ 3113-2), мужской серебряный перстень (№ 3113-3), серьги из низкопробного серебра (№ 3113-4, 5), плетъ (№ 3113-6), женский йомудский головной убор (№ 3113-7), женский халат (№ 3113-8), копье на длинном древке с наконечником ланцетовидной формы (№ 3113-9), три металлические подвески, которые известный специалист по этнографии народов Средней Азии М.В. Сазонова идентифицировала как подвески к шелковым кистям для украшения кос — *пупах* (№ 3113-10, 11).

Кроме вещевой коллекции, Н.И. Гродеков переслал В.В. Стасову ряд фотографий, на которых были изображены сцены из традиционной жизни туркмен и других народов Средней Азии. Эти фотографии в дальнейшем стали именоваться «Альбомом Гродекова». Фотографии, посвященные туркменам, были предоставлены художнику Е.П. Пономареву, который наряду с вещевым материалом использовал их при изготовлении костюмов половцев к постановке «Князя Игоря». Об этом он сообщает В.В. Стасову в своем письме от 18 марта 1889 г.:

Многоуважаемый Владимир Васильевич, с глубочайшей благодарностью возвращаю Вам рукопись о туркменских костюмах, из которой сделал себе выписки. Чрезвычайно обрадован тем «инстинктом», который заставил меня положить на рисунки именно те краски, какие оказались наиболее характерными для «половецких» костюмов.

В настоящее время рисунки их находятся у костюмерши, почему и не могу представить эти рисунки на Ваш суд. При первой возможности исполню Ваше желание.

Благодарю Вас за лестное для художника мнение о результате моих трудов. Постараюсь заслужить Ваше одобрение.

Истинно Вам преданный

Е. Пономарев [ОР РНБ. Ф. 738. № 198. Л. 1].

К письму Е.П. Пономарева в деле приложены рисунки пером, сделанные им с фотографий, присланных Н.И. Гродековым, на которых есть карандашные отметки рукой В.В. Стасова: «Для постановки “Игоря”»; «Туркменка: костюмы из фотоальбома ген. Гродекова»; «Костюм Ахал-Текинский или туркменский из альбома (фотогр.) генерала Н.И. Гродекова».

Об альбоме генерала Н.И. Гродекова известно следующее. После смерти Н.И. Гродекова весь его архив поступил в распоряжение его племянницы Варвары Дмитриевны Комаровой-Стасовой (псевдоним «Вл. Каренин»)¹, которая до 1932 г. являлась ученым хранителем Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН). В 1927 г. она опубликовала двухтомную биографию В.В. Стасова, написанную по материалам семейного архива [Каренин 1927]. В 1932–1933 гг. В.Д. Стасова передала в профильные учреждения отдельные части этого собрания. В результате часть его оказалась в Пушкинском Доме, другая часть — в Публичной библиотеке. Тогда же в этнографический отдел Русского музея (ныне — Российский этнографический музей, РЭМ) поступили фотографии, зарегистрированные под указанными номерами; с достаточной уверенностью их можно считать фотоколлекцией В.В. Стасова, в которую передавали (дарили) свои фотографии и другие деятели русской культуры. Среди дарителей на некоторых фотографиях указаны князь А.И. Урусов², брат В.В. Стасова

¹ Варвара Дмитриевна Комарова-Стасова (урожд. Стасова, 24.08.1862, СПб. — 10.02.1943, Ленинград) — музыковед, историк литературы, исследователь творчества Жорж Санд. Дочь Д.В. Стасова, сестра Елены Дмитриевны Стасовой, близко связанной с В.И. Лениным. Обучалась игре на фортепиано у О.Г. Жебеновой и М.А. Балакирева, пению — у П.С. Гире-Левиковой и Ч. Тромбона, брала уроки гармонии у Н.А. Римского-Корсакова, консультировалась у И.П. Прянишникова. С 1912 г. — научный сотрудник, в 1918–1932 гг. — ученый хранитель отдела рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Действительный член Института истории искусств. Автор воспоминаний о М.А. Балакиреве, М.П. Мусоргском, публикаций переписки В.В. Стасова с деятелями русской культуры.

² Князь Александр Иванович Урусов (2.04.1843–16.07.1900) — видный русский адвокат, один из выдающихся судебных ораторов (его называли «Новый Петроний» и «Русский Демосфен»). Учился в 1-й московской гимназии; в 1861 г. поступил в Московский университет, из которого был исключен за участие в беспорядках, затем был принят снова, окончил курс по юридическому факультету и поступил на службу кандидатом на должность по судебному ведомству. Уже в 1867 г. Урусов стал известен как талантливый защитник благодаря своей речи по делу крестьянки Волоховой, в которой он, по выражению А.Ф. Кони, уничтожил силой чувства и тонкостью разбора улики тяжкое и серьезное обвинение. В 1868 г. Урусов перешел в помощники присяжного поверенного, а в 1871 г. получил звание присяжного поверенного. В течение этого времени он с неизменным успехом выступал на нескольких громких процессах, в том числе по известному Нечаевскому делу

Дмитрий Васильевич¹, Н.Д. Брандорф². Ряд фотографий наклеен на темно-коричневые паспарту с характерным геометрическим узором-рамкой золотистого цвета. Такие же паспарту с фотографиями находятся в фонде генерала Н.И. Гродекова в Государственном историческом музее (Москва) [ОПИ ГИМ. Ф. 307. Ед. хр. 65]. Хотя на фотографиях, хранящихся в Архиве РЭМ, нет указания на их происхождение от генерала Н.И. Гродекова, исходя из всего вышеизложенного, с достаточной долей вероятности можно предположить, что их прислал именно он³.

В.В. Стасов был известным исследователем славянского и восточного орнаментов, а также различных способов украшения тканей. Материалами для его исследований служили как музейные и частные собрания того времени, так и дары, которые он получал от разных лиц. Нередко в своих публичных лекциях он демонстрировал не только рисунки, на которых были изображены предметы, необходимые ему в качестве примеров, но и непосредственно вещи. Так, в его фонде в отделе рукописей Пушкинского Дома находится несколько образцов персидской народной вышивки, которые он использовал на одном из своих выступлений.

(1871 г., Санкт-Петербург), на котором он защищал Успенского, Волховского и некоторых других. Его яркое выступление предопределило успех защиты в этом деле. За свое скандальное обращение к правительству Швейцарии с просьбой не выдавать России Нечаева Урусов подвергся административной ссылке и изгнанию из адвокатуры. Он был вынужден поселиться в Вендене (Лифляндская губерния) и только через три года смог поступить на службу в канцелярию генерал-губернатора, затем в судебное ведомство в качестве товарища прокурора, сначала в Варшаве, потом в Петербурге, с большим успехом выступая обвинителем. В 1881 г. Урусов снова вернулся в адвокатуру и был присяжным поверенным в Санкт-Петербурге, а с 1889 г. — в Москве. В 1880-х гг. он выступал как гражданский истец на ряде процессов по делам, связанным с первыми еврейскими погромами. Как либерала и человека безусловно демократических взглядов, Урусова приглашали за границу на судебные процессы, которым планировалось придать политическую окраску (например, дело Леона Блуа в 1891 г. во Франции). Урусов горячо интересовался литературой, особенно некоторыми французскими писателями (Флобером, Бодлером), которых изучал с большой тщательностью; был известным литературным и театральным критиком. Как театральные критик (под псевдонимом «Александр Иванов») публиковался в журнале «Библиотека для чтения», газетах «Русские ведомости», «Новости», заведовал театральным отделом в петербургской газете «Порядок». Автор статей о М.С. Щепкине, Г.Н. Федотовой, М.Н. Ермоловой, П.А. Стрепетовой.

- ¹ Дмитрий Васильевич Стасов — выдающийся русский адвокат и первый председатель Петербургского совета присяжных поверенных, один из деятельных сотрудников С.И. Зарудного в деле составления судебных уставов; директор Русского музыкального общества и автор устава первой консерватории России; видный меценат и коллекционер произведений искусства; публицист, ставший активным деятелем отечественной культуры. Знаменательна его причастность к революционному подполью: от посредничества на лондонских переговорах А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского в 1859 г. до укрывательства в своей петроградской квартире В.И. Ленина в июле 1917 г.
- ² Николай Васильевич Брандорф (род. 1870?) — известный российский юрист, обер-прокурор Киевской судебной палаты (в т.ч. в годы убийства Столыпина и «дела Бейлиса»), затем, в 1917 г., товарищ обер-прокурора Общего собрания Правительствующего Сената.
- ³ Следует также отметить, что есть сведения о передаче в 1908 г. Д.В. Стасовым в этнографический отдел Русского музея книг из библиотеки В.В. Стасова [А РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 609. Л. 1].

Из числа таких даров было и собрание вышивок, переданное В.В. Стасовым в 1902 г. ЭО (колл. № 127). Как выясняется, эта коллекция была подарена ему известным путешественником Г.Н. Потаниным и его женой Александрой Викторовной. История этого подарка типична для общения В.В. Стасова с людьми, которых он ориентировал на изучение культуры народов Востока. Как он отмечал в своих воспоминаниях, которые были прочитаны на литературно-музыкальном вечере в память А.В. Потаниной, устроенном в зале Городской думы 8 марта 1895 г., и опубликованы в «Северном вестнике» [Стасов 1895: 238–250], его знакомство с Александрой Викторовной было непродолжительным, встречи их были довольно короткие, поскольку происходили, как правило, в промежутках между путешествиями самой А.В. Потаниной и ее мужа.

Как смотрят на того человека, который привез из далеких чужих стран каких-то красивых птиц, какую-то никому неизвестную до тех пор породу животных или насекомых, какие-то неведомые семейства трав, растений, цветов, великолепные орхидеи, каких-то чудесных змей, жуков, бабочек? Смотрят на того человека с большим почтением и любовью, потому что он дает новые материалы для нашего знания, а иногда и для нашего любования, раздвигает нашу мысль, расширяет наши горизонты. Точно так же, а может, с еще большим почтением и любовью смотрел я со времени моего знакомства и на А.В. Потанину, в той области, которая мне была особенно интересна и дорога: области народного художественно-бытового творчества [Там же: 239].

В.В. Стасов с восхищением пишет о роли А.Н. Потаниной в экспедициях ее мужа, неутомимости, твердости, энергии, с которыми она принимала в них участие. В.В. Стасов познакомился с ней в 1883 г., незадолго до начала третьего путешествия Потаниных в Центральную Азию. Знакомство это произошло совершенно случайно. Готовя к публикации описание своих предыдущих путешествий, Г.Н. Потанин заинтересовался подробностями одного религиозного обряда народов Амура, связанного с так называемым «медвежьим праздником», и, встретив, как ему показалось, нечто подобное в культуре французского Средневековья, обратился в Императорскую Публичную библиотеку в надежде получить там интересующие его сведения. В одну из его бесед с В.В. Стасовым и произошло это знакомство. А.Н. Потанина произвела на него необыкновенное впечатление своей серьезностью, начитанностью и основательностью.

В ходе последовавших за этим встреч В.В. Стасов старался сориентировать дальнейшую деятельность А.В. Потаниной в экспедициях ее мужа именно на этнографию, вещеведение.

В беседах он обнаружил в ней склонность к этим занятиям и рекомендовал ей работать в этом направлении. По его словам, «Александра Викторовна с необыкновенным, совершенно особенным интересом рассматривала *костюмы, наряды, орнаменты, рисунки и фигуры* множества предметов домашней и ежедневной жизни, преимущественно азиатских народностей, которые я ей показывал в атласах и великолепных увражах нашей библиотеки, уже напечатанных, все в красках, или же в рисунках от руки, но тоже в красках, мне принадлежащих» [Стасов 1895: 240]. В то время сам В.В. Стасов был преисполнен впечатлений от московской Всероссийской выставки 1882 г., где его поразило богатство азиатских предметов, «полных красоты и оригинальности». Множество предметов, демонстрировавшихся там, было зарисовано им самим или молодыми художниками по его просьбе. В.В. Стасов показал А.В. Потаниной эти рисунки, на которых были изображены ковры с Кавказа, из Хивы и Бухары, хивинские шитые тубетейки, кокандские пояса с серебряными чеканными и эмалевым бляхами, туркестанские халаты, киргизские узорные стремена, мозаичные (из цветной кожи) мужские и женские сапоги из Казани, казанские же шитые золотом и серебром шапочки, верблюжьи пояса из Туркестана и т.д. Как пишет В.В. Стасов, он «благоговел» перед изданием Н.Е. Симакова «Искусство Средней Азии», которое вышло в свет в 1883 г. [Симаков 1883] и «делало нам громадную честь перед всей Европой, которая нас за то и оценивает по достоинству». Этому изданию В.В. Стасов посвятил свои рецензии [Стасов 1894 II: 693–695]. С большой радостью он нашел в Александре Викторовне такого же истового почитателя Востока, с которым мог «вслать восхищаться и восторгаться народным творчеством и красотой».

В ходе одной из таких встреч Г.Н. Потанин, до этого обычно молчавший, «вдруг заговорил», открыв В.В. Стасову, что его жена уже много подобных вещей рисовала в путешествиях, в том числе чрезвычайно интересных. Несмотря на протесты Александры Викторовны, ссылавшейся на свое «худое рисование», он принудил ее на следующий день принести свои экспедиционные зарисовки, сделанные в дороге и на стоянках то пером, то карандашом, то красками. Эти рисунки остались с тех пор у В.В. Стасова, от которого, по всей вероятности, поступили в Публичную библиотеку. Среди них были «рисунки узоров, вырезанных из железа с насечкой серебряной и украшающих седла, подпруги и стремена киргизов Семипалатинской области, около озера Зайсана; далее рисунки женских серег из окрестностей города Хами, в Восточном или Китайском Туркестане; наконец, вышитых золотой и серебряной нитью красных женских шапок из тех же местностей». Видя «точность

и верность» этих зарисовок, В.В. Стасов просил Александру Викторовну и в дальнейшем, в ходе предстоящих путешествий, обращать внимание на узоры и украшения бытовых предметов народов Азии — и не только обращать внимание, но и зарисовывать с возможной точностью. А.В. Потанина разделяла его мнение о важности такого рода материалов не только для искусства, но и для изучения культуры и религии в целом и обещала выполнить просьбу. Особенно важным В.В. Стасов считал детальное изучение вышивок нитками по полотну. Конкретных данных о том, какие вышивки могли встретиться Потаниным в Азии, на тот момент у него не было — он только предполагал их существование, опираясь на рисунки среднеазиатских тканых ковров, которые он видел еще в 1870 г. в среднеазиатском отделе Всероссийской выставки в Соляном городке в Петербурге, потом на Всероссийской выставке 1882 г. в Москве, а также в книге Н.Е. Симакова.

Кроме того, В.В. Стасов просил Александру Викторовну обращать внимание на использование эмалей на бытовых предметах в Монголии, Тибете, Китае и Центральной Азии. Интерес В.В. Стасова был продиктован тем, что некоторые английские археологи, рассматривая индийские и персидские эмали, высказывали предположение, что техника эмали возникла не в среде «арийских», т.е. индийских и персидских народов, а была заимствована у тюркских. В те годы В.В. Стасов занимался подготовкой издания известной впоследствии книги «История и памятники византийских эмалей», в которую вошли материалы коллекции А.В. Звенигородского [Кондаков 1892]. А.В. Потанина обещала сделать все возможное, чтобы помочь в разрешении поставленной проблемы.

Александра Викторовна не обманула ожидания В.В. Стасова и привезла из третьего путешествия с мужем по Центральной Монголии (1883—1886 гг.) художественно-этнографические материалы, которые он получил в 1887 г. По словам В.В. Стасова, «это было хотя и маленькое, но очень характерное собрание рисунков эмалей на предметах женского убора (преимущественно головного) из провинции или княжества Ордос, а также из некоторых местностей Северо-Западного Китая (местечко Тао-Тунза). Некоторые из этих эмалей находились на налобнике, другие на подвесках и других украшениях монголок. У китайнок эмали оказывались на той металлической скобе, которая проходит сквозь деревянную подставку, на которую была намотана коса» [Стасов 1895: 244—245]. В.В. Стасов полагал, что эмали этого типа были заимствованы китайцами и монголами у тюркских народов, которые занимали Ордос до монголов. Тогда этот вопрос не был разрешен, но привезенные зарисовки сыграли свою роль. До 1880-х гг.

подобные изделия совсем не были известны в Европе. В.В. Стасов показал рисунки Н.П. Кондакову, который писал текст для издания по коллекции А.В. Звенигородского, тот признал их важность, и они были напечатаны в книге со ссылкой на источник и автора. По словам Н.П. Кондакова, на рисунках изображены «элементы, известные нам в Европе на пространстве от VI по X столетия по Р.Х., твердо установившиеся в Северной Индии около IX в. Эмалью украшаются у монголов преимущественно серебряные ювелирные изделия <...> Изделий этих, видимо, нисколько не коснулось влияние арабского стиля, и уже поэтому они заслуживают быть рассмотрены среди древних типов азиатского искусства» [Кондаков 1892: 62]. Об участии Александры Викторовны в этом издании Г.Н. Потанин писал в письме Д.А. Клеменцу [Потанин 1990: 158–159].

Кроме этих рисунков, внесших вклад в науку, А.Н. Потанина привезла В.В. Стасову одну вещь, вызвавшую у него особые чувства. Это был небольшой платок, который носили у пояса жители восточного склона Тибетского нагорья (Западный Сычуань). Платок был вышит синими нитками крестиком по белой бязи и очень похож на обычные российские крестьянские вышивки, сходство обнаруживалось даже в узоре. В сычуаньской вышивке присутствовали звезды, свастика, бабочки, которые органично вплетались в общий орнаментальный узор; семантика этих элементов, по мнению В.В. Стасова, могла объяснять их наличие в вышивке русских крестьян. Увидев эту вышивку, он тотчас стал просить А.В. Потанину привезти из следующего путешествия по Монголии и Тибету как можно больше подобных образцов. Эту просьбу она выполнила, и в 1892 г. специально для В.В. Стасова собрала целую коллекцию вышивок, которая представляла значительный интерес. Многие предметы этой коллекции были вышиты не крестиком, а в клетку (двустороннее шитье), т.е. таким способом, который признавался до тех пор древнейшим русским шитьем. «Такие вышивки, — отмечает Г.Н. Потанин в объяснении рисунков в книге избранных сочинений своей жены, изданной друзьями после ее смерти, — встречаются только в провинции Сычуань, к северу от города Чень-Ту (столица этой провинции) и до Чжао-Хуа, по реке Цзянь-лу-цзяну и до Лунь-ан-фу, по реке Во-цзяну и севернее» [Потанина 1895: 293].

Использованию подобных вышивок Г.Н. Потанин дает пояснение в своем письме В.В. Стасову, датированном июлем 1894 г., в котором он отвечает на поставленные адресатом вопросы¹.

¹ Текст этого письма В.В. Стасов приводит и в сопровождающей коллекцию при передаче ее в дальнейшем в этнографический отдел Русского музея машинописной записке, которая приклеена к рукописной описи коллекции, находящейся в Архиве РЭМ [А РЭМ. Колл. № 87–159. Л. 146 об.].

Открытие вышивок в Сы-чуане и оценка их интересности принадлежит, среди членов нашей экспедиции, исключительно моей жене. Если бы она не обратила на них внимания, я их не заметил бы.

Район распространения этих вышивок — очень ограниченный. По нашей дороге через провинцию Сы-чуань мы встретили их только на пространстве от Хуа-Чжоу на севере и до Я-Чжоу на юге.

Длинные широкие вышитые полосы (около 3 аршин длины) для чего предназначены — не знаю. Только это — не полотенце и не части одежды; я думаю, что это подзоры к столам. Китайцы подвешивают к краям верхней доски столов, особенно тех, которые стоят перед божницами, — полосы цветной материи.

Вышивок другой ниткой, кроме синей, нам не встретилось.

— Платки также не принадлежат к платью. Это не носовые платки — они употребляются, чтобы что-нибудь покрывать. Идет китаец с детьми в новый год посетить свою тещу или старшего брата, — он несет с собой подарки: фрукты, печенья, вермишель и пр. Эти подарки уложены в корзинку и сверху прикрыты подобным вышитым платочком или другим каким лоскутком. Если есть классификация тканевых предметов, эти платки попадут в одну группу не с носовыми платками, а с ВОЗДУХАМИ.

— Длинные и узкие полосы — пояса.

— Не удалось нам приобрести НАБРЮШНИКОВ (о которых Вы спрашивали), с такими же вышивками, но бывают; я сам видел такие набрюшники на китайцах. Их носят мужчины, как взрослые, так и дети, последние на голом теле, первые поверх всего остального платья, чтобы щегольнуть узором. Такой набрюшник имеет подкладку, в которой вырезано устье, так что набрюшник приобретает вид кармана; в нем носят мелкие деньги и другие мелкие вещи.

— Особый способ складывания платков с загнутыми уголками (о котором Вы спрашивали) не имеет другого значения, кроме как проявления эстетического вкуса.

— Вышивки идут на подарки, которыми крестьяне сопровождают праздничные и свадебные представления. Платок складывается только для того, чтобы сконцентрировать вышивки, чтобы для глаза вышла более красивая фигура [Стасов 1895: 247].

О китайской вышивке А.В. Потанина пишет в своей статье «О китайской женщине» (первоначально помещенной в «Русском богатстве», а затем вошедшей в уже упоминавшейся выше посмертный сборник ее статей).

Весной 1885 г. мы дней десять жили в Синине <...> [в квартире одной местной барыни, у которой была дочь, занимавшаяся вышиванием]. Девушка показывала мне свои работы и разные баульчики и корзины; все это было самодельное, из дешевых материалов, и показывало только искусство и терпение той, которая их делала. Работа этой девушки удивила меня: она вышивала белым шелком по пунцовому ситцу точь в точь так же, как это делаем мы, когда уверяем, что «шьем русским швом». Даже узоры казались мне в том же роде, только она не употребляла при этом канвы. Так как она вышивала панталоны для дочери футая, то я подумала, что узор этот и манера шитья могли быть переняты от русских в Илийском крае, но оказалось, что я ошибалась, впоследствии, когда мы были в провинции Сычуан, я встретила этот quasi-русский шов очень распространенным среди населения самых глухих городов и деревень; им были украшены рубахи детей, панталоны деревенских девушек, носовые платки уличных извозчиков и т.д. [Потанина 1895: 205, 210].

В сборнике приводятся два узора вышивки крестом — птица и чайник, которые А.В. Потанина зарисовала в Синине [Там же: 210, 212]. Эти вышивки, которые В.В. Стасов рассматривал как подтверждение концепции происхождения многих элементов русской культуры с Востока, были им получены уже после смерти А.В. Потаниной. Она умерла весной 1894 г. на пути между городами Бао-ин-фу и Чун-цин-фу и похоронена была в Кяхте. В 1901 г. В.В. Стасов передал их в только что организованный этнографический отдел Русского музея, откуда в дальнейшем они поступили в МАЭ. Об этом подарке, а также о ряде других В.В. Стасов упоминает в письме Д.А. Клеменцу от 23 января 1902 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Александрович, Конст[антин] Алекс[андрович] Иностранцев очень порадовал меня на днях известием, что предложенные мною Музею Александра III редкие предметы (монгольские вышивки и монгольские эмальные кирпичи?) оказываются очень пригодными для Музея (вещи необыкновенной редкости и значения!), и что полезны также для Музея музыкальные инструменты киргизов, сартов и киргизов [так. — С.Д.], продаваемые С.Г. Рыбаковым. Меня особенно заботят монгольские вышивки буддийского стиля, привезенные мне из 3-го и 4-го путешествия Гр[игория] Ник[олаевича] Потанина: таких нет ни в одном из всех европейских музеев. И я твердо надеюсь, что этой необычайной редкости (доказывающей новый раз и решительным образом происхождение русских вышивок из Азии) — Вы отведете достойное и почетное место! Все нужные известия об этих предметах — у меня есть, и я с удовольствием сообщу их Вам и Музею [АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 324. Л. 1—2].

Несколько позднее в этнографический отдел от В.В. Стасова поступило собрание из десяти предметов ламаистского культа (колл. № 3855). Описывал эту коллекцию академик С.Ф. Ольденбург. В рукописной описи коллекции остался черновик, содержащий следующую информацию о ее происхождении и составе. Как указывает С.Ф. Ольденбург, коллекция включает десять «буддийских писаных образов собрания покойного В.В. Стасова <...> которому они, по всей вероятности, были привезены нашими путешественниками по Азии. Они новые и работы чисто ремесленной, китайской и монгольской». Среди экспонатов называются:

1. Образ на холсте, писаный красками.

Т.н. Дзандан-цзу, т.е. изображение Будды из сандалового дерева. Изображение это хранилось в Пекине и считалось одной из главных буддийских святынь. Оно погибло, по-видимому, при пожаре в Пекине, но, по современной буддийской легенде, спасено и скрывается в каком-то буддийском монастыре. Вероятно, этому изображению еще суждено явиться вновь верующим буддистам. Настоящий образ не кончен, видно дурачин[?], писавший его, был чем-то прерван в своей работе: раскраска алтаря и стоящих на нем предметов не окончена, точно так же как не окончены разные мелкие детали образа, который к тому же не обрамлен. Образ обычного типа, стоящий Будда, на лотосе, с двумя учениками <...> по бокам <...>

2. Образ на холсте, писаный красками

3. Образ на холсте, писаный красками. Дзонхава и его ученики, явившиеся в видении <...>

6—9. Т.н. Гобилхана <...> «Пять богов над головою» (человечки — его охраняющие), одно из туземных божеств, весьма вероятно, шаманского происхождения, с его четырьмя спутниками. Очень распространенное у монголов и бурят [А РЭМ. Колл. 3801—3972. Л. 159—164].

В дальнейшем это собрание было передано в Государственный Эрмитаж.

Все эти материалы говорят об активной деятельности В.В. Стасова как организатора и координатора пополнения петербургских этнографических музеев коллекциями, характеризующими традиционную культуру народов Востока. Иногда эти собрания являются некими побочными результатами его более широкой деятельности на ниве русской культуры (как это случилось с туркменской коллекцией, поступившей от генерала Н.И. Гродекова); в других он уже при организации их доставки в столицу предполагал передать их в тот или другой этнографический музей. Некоторые коллекции, привезенные в Санкт-

Петербург при его участии, попали в частные руки. Таким образом, в сфере деятельности В.В. Стасова оказывалось не только место его непосредственной службы — Императорская Публичная библиотека (трудно переоценить его вклад в формирование фондов РНБ), но и другие учреждения. Все это вполне обоснованно явилось причиной непосредственного участия В.В. Стасова в предварительных совещаниях по организации этнографического отдела Русского музея императора Александра III.

Список сокращений

- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН
А РЭМ — Архив Российского этнографического музея
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом)
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РГВИА — Русский государственный военно-исторический архив

Архивные материалы

- АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 324. Письма В.В. Стасова Д.А. Клеменцу. 1902 г.
А РЭМ. Колл. № 87—159. Рукописные коллекционные описи. 1902 г.
А РЭМ. Колл. № 3801—3972. Рукописные коллекционные описи. 1907—1920 гг.
А РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 609. Письмо Д.В. Стасова о передаче в дар музею книг В.В. Стасова. 29 мая 1908 г.
ОПИ ГИМ. Ф. 307. Ед. хр. 5. Письма Н.И. Гродекову. 1888, 1900—1902 гг.
ОПИ ГИМ. Ф. 307. Ед. хр. 65. Фотоснимки 1880—1902 гг.
ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 77. Письма А.В. Верещагина В.В. Стасову. 1878—1905 гг.
ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 81. Письма В.В. Стасова А.В. Верещагину. 1898—1904 гг.
ОР РНБ. Ф. 738. № 47. Стасов В.В. Этнографические вопросы о туркменах, посланные военному губернатору Сыр-Дарьинской области Н.И. Гродекову. 1888 г.
ОР РНБ. Ф. 738. № 131. Гродеков Н.И. Официальное письмо к В.В. Стасову. Приложение: Ответные пункты на этнографические вопросы о туркменах. 22 июня 1888 г.
ОР РНБ. Ф. 738. № 198. Письмо Е.П. Пономарева к В.В. Стасову. 1889 г.

- ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. № 2270. Фотопортрет М.Д. Скобелева с дарственной надписью Н.И. Гродекову. [Адрианополь]. 28 февраля 1878 г.
- РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Ед. хр. 2517. О командировании подполковника Верещагина и колл. секр. Задороженко в Закаспийскую обл. Ч. 1. 1899–1901 гг.

Библиография

- Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиографический словарь. М.: Вост. литература, 2005.
- Веселовский К.С.* [Заметка] // Правительственный вестник. 1888. 9 (21) нояб. № 245. С. 1.
- Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Типо-лит. С.И. Лахтина, 1889. Т. 1: Юридический быт.
- [ИМАО] Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). М.: Скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. Т. 2.
- Каренин В.* Владимир Стасов. Л.: Мысль, 1927. Ч. 1–2.
- Кондаков Н.* Византийские эмали. Собрание А.В. Звенигородского. СПб.: Изд. А.В. Звенигородского, 1892.
- Кузнецова Н.А.* О малоизвестной стороне деятельности В.В. Стасова (из истории русского востоковедения) // Народы Азии и Африки. 1968. № 1. С. 77–90.
- [*Потанин*]. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. Т. 4.
- Потанина А.В.* Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М.: Геогр. отд-ние О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1895.
- Протокол второго (состоявшегося 13 февраля 1901 г.) предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III. [СПб., 1901]. (На правах рукописи).
- Решетов А.М.* Алексей Алексеевич Бобринский — российский этнограф и искусствовед // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 1998–1999 гг.: Крат. содерж. докл. СПб.: МАЭ РАН, 2001. С. 164–166.
- [*Симаков*]. Искусство Средней Азии: Сборник средне-азиатской орнаментации, исполненный с натуры Н.Е. Симаковым. Удостоенный серебряной медали на Московской Художественно-промышленной выставке в 1882 году. [Подзаголовок: Сборник орнаментов и узоров, снятых с натуры на памятниках архитектурных и предметах гончарных, ткацких, ювелирных и проч. членом Самарской ученой экспедиции Н. Симаковым в 1879 году]. СПб.: О-во поощрения художеств, 1883.
- Стасов В.В.* Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной // Северный вестник. 1895. № 4 (апр.). С. 238–250.

Стасов В.В. Письма к деятелям русской культуры. М.: Изд. АН СССР, 1962. Т. 1.

[*Стасов*] Собрание сочинений В.В. Стасова. 1847–1886: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 2; Т. 3.

Хидая: комментарии мусульманского права: пер. с англ.: в 4 т. / Под ред. Н.И. Гродекова. Ташкент: Типо-лит. С.И. Лахтина, 1893.

Худоназаров Д. Граф // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А.М. Решетова): Сб. ст. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 132–154.

Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.